

**ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ МАРКЕРОВ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СОЗНАНИЯ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПА ВО ВНУТРЕННЕМ ЛЕКСИКОНЕ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРЫ**

Е. В. Ситникова

**REFLECTION OF LANGUAGE MARKERS OF NATIONAL AND CULTURAL CONSCIOUSNESS
OF LINGUOCULTURAL TYPE IN THE INNER LEXICON OF RUSSIAN
ETHNIC AND LINGUAL CULTURE REPRESENTATIVES**

E. V. Sitnikova

Одним из проявлений антропоцентрического подхода к изучению языка стало рассмотрение его как факта культуры. В данной статье представлено исследование изменений внутреннего лексикона представителей русской этнолингвокультуры, находящихся в условиях гетерогенного языкового окружения, которые были выявлены в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента. В качестве стимулов, предложенных информантам в ходе эксперимента, были выбраны языковые маркеры национально-культурного сознания, выделенные И. В. Приваловой.

One of manifestations of the anthropocentric approach to the study of the language was considering it as a fact of culture. The paper presents a study of changes in the inner lexicon of Russian ethnic and lingual culture representatives in conditions of heterogeneous language environment, which have been found out as a result of free associative experiment. The linguistic markers of national and cultural consciousness, pointed out by I. V. Privalova, were chosen as stimuli offered to the informants during the experiment.

Ключевые слова: внутренний лексикон человека, свободный ассоциативный эксперимент, языковые маркеры национально-культурного сознания лингвокультурного типа.

Keywords: inside lexicon of a person, free associative experiment, language markers of national and cultural consciousness of linguocultural type.

Антропоцентрический характер лингвистики XX в. предполагает рассмотрение всех явлений и процессов, происходящих в языке, в неразрывной связи с феноменом человека. Внимание большинства современных ученых сконцентрировано не столько на самом языке, сколько на его коммуникативных характеристиках, социальных функциях и на проявлении в нем индивидуальных, национально-культурных и общечеловеческих свойств говорящего. «Изучение языка ... не заключает в себе конечной цели, а вместе со всеми прочими областями служит высшей и общей цели совместных устремлений человеческого духа, цели познания человечеством самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [1, с. 383].

Одним из направлений современной науки о языке становится изучение его как средства накопления и хранения культурно значимой информации. Язык рассматривается как факт культуры, поскольку «1) он составная часть культуры, которую мы наследуем от наших предков; 2) язык – основной инструмент, посредством которого мы усваиваем культуру; 3) язык – важнейшее из всех явлений культурного порядка, ибо если мы хотим понять сущность культуры – науку, религию, литературу, то должны рассматривать эти явления как коды, формируемые подобно языку, ибо естественный язык имеет лучше всего разработанную модель» [3, с. 131].

Основу любой национальной культуры составляют общечеловеческие компоненты, обусловленные биологической и психологической природой человека, инвариантными свойствами человеческих социумов. Человечество, будучи единым биологическим

видом, не является единым социальным коллективом. Разные сообщества людей живут в различающихся природных и исторических условиях, что позволяет им выработать комплексы специфических способов и форм жизнедеятельности, которые в процессе взаимодействия сообществ заимствуются друг у друга. Каждая культура воплощает специфический набор способов социальной практики конкретного сообщества или нации [2, с. 19 – 20].

Культурный опыт любой нации отражается не только в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в создаваемых ими материальных и духовных ценностях, но и в языковом сознании каждой отдельной личности. Культура формирует определенные представления об окружающем мире, о взаимосвязях между предметами и понятиями, о закономерностях развития человеческого общества. Все эти представления в самых разнообразных формах фиксируются в языке как национальном достоянии народа и проявляются в речи каждого его представителя. Изучение языка позволяет увидеть мир изнутри этноязыкового сознания, сформированного соответствующей культурой. В связи с этим представляется актуальным исследование внутреннего лексикона человека как носителя определенной этнолингвокультуры.

Длительное пребывание в условиях гетерогенного языкового окружения не может не вызвать изменений в составе и содержании единиц языковой памяти личности. Поскольку культурный компонент семантики языкового знака чаще всего имеет скрытый характер, его исследование становится возможным с помощью применения методики свободного ассоциативного эксперимента.

Данная методика была применена для выявления изменений внутреннего лексикона носителей русского национально-культурного сознания под влиянием иноязычной среды. Свободный ассоциативный эксперимент проводился среди представителей русской этнолингвокультуры, проживающих на территории этнической родины, а также в Украине, США, в странах Европейского союза (Греция, Кипр, Италия, Нидерланды, Германия) и Азии (Индия, Израиль). За основу свободного ассоциативного эксперимента были приняты три группы языковых маркеров национально-культурного сознания (далее ЯМНКС), выделенных И. В. Приваловой [4; 5].

В данной статье исследуется восприятие представителями русской этнолингвокультуры ЯМНКС лингвокультурного типа. Анализ ассоциативного материала, полученного на стимулы данного типа, проводится с учетом разработанной автором классификации реакций, основанной на лингвокультурном принципе и направленной на изучение культурного содержания языковых маркеров национально-культурного сознания как единиц внутреннего лексикона человека.

ЯМНКС лингвокультурного типа представляют собой комплексы языковых средств, в содержание которых входят сведения экстралингвистического характера, обычно не зафиксированные в толковых и переводных словарях и доступные только носителям определенной этнолингвокультуры.

В группе ЯМНКС, включающей *средства речевого контакта и языковые формулы*, чаще всего встречаются иноязычные реакции, значительная часть которых представлена в виде непосредственного перевода слова-стимула: *добро пожаловать!* – *welcome* (англ.); *увидимся!* – *OK!* (англ.); *здравствуйте!* – *hi* (англ.). Часто подобные реакции представлены в виде иноязычных слов, транслитерированных буквами русского алфавита: *всего хорошего – чао!* (итал. *ciao!*), *гудбай!* (англ. *goodbye!*), *оревуар!* (франц. *au revoir!*); *спокойной ночи!* – *бай-бай!* (англ. *bye-bye!*); *привет!* – *хеллоу!* (англ. *hello!*), *хай!* (англ. *hi!*), *бонжур!* (франц. *bonjour!*). Высокую частотность таких реакций можно объяснить их повседневной востребованностью в различных ситуациях общения информантов с гражданами зарубежных стран и, следовательно, носителями иностранной этнолингвокультуры.

Некоторые реакции на стимулы данной группы подчеркивают принадлежность отдельных ЯМНКС к русской лингвокультуре. Например, стимул *с легким паром!* вызвал реакции *русский мужик, Россия*, на стимул *молодец!* была получена реакция *Россия*, стимул *здравствуйте!* вошел в ассоциативную пару с реакцией *новости России и Родина*. Содержание некоторых реакций связано с периодом существования СССР: *с легким паром!* – *Советский Союз; так держать!* – *советские времена, Советская армия, пионерская линейка; молодец!* – *октябрьская звездочка, пионер*. Подобные реакции позволяют предположить, что информанты, проживающие в условиях иноязычной среды, характеризуют данные ЯМНКС как проявления русской культуры, присутствовавшие в их жизни до выезда за рубеж и сознательно отделяемые от того

лингвокультурного пространства, в котором они находятся в настоящее время.

Содержание отдельных ЯМНКС изменилось вследствие включения в него реалий действительности, окружающей информантов, находящихся за пределами России. Так, в ассоциативных парах *на здоровье!* – *пожелание в Греции, на здоровье!* – *желать приобретении* отражена распространенность в Греции языковой формулы, являющейся аналогом русского пожелания и употребляемой при покупке какого-либо товара.

Стимул *привет!* вызвал реакцию газета *«Привет, ребята!»*, в которой упоминается название одной из украинских региональных газет. Особенности лингвокультурного пространства, в котором находятся информанты, нашли отражение в реакции на стимул *добро пожаловать!* – *редко увидишь на русском в Греции*.

Как показали результаты проведенного эксперимента, некоторые изменения произошли и в восприятии и понимании отдельных *колорем*. Например, стимул *русый*, который в русском языке употребляется только применительно к цвету волос, вызвал реакцию *конь*, выходящую за пределы традиционного словоупотребления. В сознании информантов данная лексема приобрела также дополнительные оценочные значения, о чем свидетельствуют реакции *глупец, парень-весельчак, неоригинальный, любимый, некрасивый*. Кроме того, довольно частотными являются реакции, характеризующие данную колорему с точки зрения ее принадлежности к русскому и славянскому лингвокультурному пространству: *русский, славянский, славяне, славянин, Север*.

Несвойственную для русской языковой традиции коннотацию приобрел и стимул *рыжий*, негативное отношение к которому закрепилось в русском языке, например, в ряде пословиц, дразнилок и устойчивых сочетаниях: *рыжий да красный, человек опасный; рыжий, рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой; что я, рыжий?* и отразилось в следующих ответах участников эксперимента, находящихся в условиях иноязычной среды: *дразнилка, неприятный, наглаватый, противный, что-то от черта*. Однако в реакциях информантов проявляется и противоположное отношение к данному цвету: *креативный, счастливый, смешной, солнечный, оригинал*.

В ходе анализа анкет, полученных от информантов, находящихся в условиях гетерогенного языкового окружения, была выявлена высокая частотность реакций, подчеркивающих принадлежность *реалий, культурных символов и этнографических нонем*, обозначенных стимулами, к русской этнолингвокультуре. Такие реакции были даны на следующие группы стимулов данной разновидности: блюда русской кухни: *каравай – Россия, Советский Союз, русская печь; солянка – ресторан «Разгуляй», ресторан «Яр», старая площадь в Москве*; традиционные напитки: *квас – русский напиток, СССР; самогон – русский мужик, Россия, Сибирь*; реалии, связанные с различными праздниками и обычаями: *частушка – русская деревня, развитое народное пение, Кострома; хоровод – русский национальный наряд, девушки в русских нарядах, ночь накануне Ивана Купала*; явления общественной

жизни: *субботник – уборка улиц в СССР ко дню 1 мая, совдеповские времена, дела давно минувших лет; суворовец – Москва, Питер*; реалии сферы быта: *валенки – русская зима, песня русского народа, московские дачи; усадьба – Царское Село, новый русский, Ясная Поляна*; денежные единицы: *рубль – русская денежка, остался в России, двуглавый орел; копейка – СССР, русская разменная монета, Сбербанк*; мифические и сказочные персонажи: *Баба-Яга – русский сказочный персонаж, пугающий детей русский персонаж, Россия; леший – Россия, русские сказки, тайга*; культурные символы: *береза – символ России, лес под Москвой, карельская; матрешка – русский сувенир, русская народная игрушка, русская потеха*.

Подобные реакции у информантов, проживающих в России, представлены в значительно меньшем количестве или отсутствуют вовсе. Данный факт можно объяснить восприятием указанных предметов и явлений, прежде всего, как национальных особенностей русской культуры, не всегда доступной жителям зарубежья, связанной с их жизнью до переезда за границу и в настоящее время воспринимаемой как часть их прошлого, а потому имеющей особую значимость.

Вследствие длительного нахождения в гетерогенном языковом окружении некоторые респонденты на стимулы данной группы отреагировали словами иностранного языка. Так, в ассоциативной паре *окрошка – кисляк* реакция представляет собой украиноязычный разговорный вариант названия кислого молока, которое, вероятно, возникло в сознании информанта как составляющее блюда, обозначенного стимулом.

Примером влияния иноязычной среды является также реакция *бульбашки* на стимул *квас*. Характерным признаком кваса как напитка, в приготовлении которого используются дрожжи, является большое количество воздуха, поднимающегося со дна сосуда в виде мелких пузырьков. Очевидно, эта особенность послужила причиной появления реакции *бульбашки*, которая в переводе с украинского языка означает 'пузырьки' и обусловливается влиянием на информанта украиноязычной среды.

На некоторые стимулы-ЯМНКС лингвокультурного типа были получены иноязычные реакции, которые представляют собой обозначения реалий действительности, окружающей информантов, находящихся за пределами России. Например, в ассоциативной паре *пасха – писанки* стимул был воспринят как название религиозного праздника, обязательным атрибутом которого в Украине является так называемая писанка – яйцо, раскрашенное орнаментальным или сюжетным узором в соответствии с традиционными образцами с помощью воска и различных красителей. Реакцией на стимул *водка* стало слово *горилка*, являющееся названием украинского крепкого алкогольного напитка. На стимул *бомж*, являющийся разговорным словом, возникшим из аббревиатуры и используемым в российской публицистике и обывательской речи, была дана реакция *leger des heils* 'институт, который дает убежище бездомным', обозначающая вид благотворительных организаций в Голландии. Стимул *тусовка* вызвал реакцию *бузуки*, которая является названием популярного вида развлекательных мероприятий в ночное время в Греции.

Более высокой степенью частотности отличаются ассоциативные пары, в которых реалии национально-культурного пространства, окружающего выехавших из России информантов, переданы словами русского языка. Так, в ассоциативных парах *пасха – баран на вертеле*, *кулич – баранина* отражена распространенная в Греции традиция готовить блюда из баранины для пасхального стола. Реакцией на стимул *буханка* стало слово *круассан*, представляющее собой название традиционного французского хлебобулочного изделия. Стимул *пасха* вызвал реакцию *праздник Песах (уход евреев из Египта)*, которая является результатом влияния иудейской лингвокультуры. Стимул *Дед Мороз*, называющий традиционного в странах бывшего СССР новогоднего персонажа и дарителя, вызвал реакцию *Санта Клаус*, являющуюся североамериканским наименованием сказочного персонажа, который дарит подарки детям на Рождество.

В отдельных ассоциативных парах прослеживается осознанное сопоставление предметов окружающей действительности, характерных для России и других стран, в которых проживают информанты. Например, на стимул *щи*, представляющий собой наименование национального блюда русской кухни, было дано несколько реакций, основанных на его сравнении с похожим украинским национальным блюдом: *борщ, борщ с кислой капустой, легкий борщ, зеленый борщ, невкусный белый борщ*, а также эмоционально окрашенные реакции *борщ лучше!*, *борщ вкуснее!*, *украинская кухня лучше!*. Стимул *вобла* как наименование традиционной в России закуски к пиву вызвал реакции *таранка, вкусная таранка, азовская таранка*, в основе которых лежит разговорный вариант названия рыбы *тарань*, употребляемой жителями Приазовья также в качестве закуски к пиву.

Пребывание в течение длительного времени за пределами русского этнолингвокультурного пространства привело к частичной утрате культурно значимого содержания некоторых стимулов в сознании респондентов. Например, стимул ассоциативной пары *копейка – Запорожец* в русской этнолингвокультурной традиции используется для обозначения автомобиля «Жигули» первой модели, а реакция является названием автомобиля совершенно другой марки, производимого Запорожским автомобильным заводом (Украина).

Предложенное информантам в качестве стимула название периода конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. *перестройка* вызвало ряд реакций, которые показали незнание респондентами временных рамок и основных государственных деятелей данного периода: *60-е, Сталин* (фактический руководитель СССР с середины 20-х гг. до 1953 г.), *Хрущев* (первый секретарь ЦК КПСС с 1953 по 1964 г.), *Брежнев* (советский государственный деятель, занимавший руководящие посты с 1964 по 1982 г.). В ответах многих информантов не отразилось культурно-историческое содержание данного стимула, о чем свидетельствуют реакции, относящиеся к тематической группе строительства и ремонта: *ремонт, здания, обновление жилья, перепланировка, строительство*.

Реакции на некоторые стимулы показали утрату не только части их культурной семантики, но и лек-

сического значения в сознании представителей русской этнолингвокультуры, находящихся в условиях иноязычной среды. Например, на стимул *свекровь* была получена реакция *мать жены*, позволяющая сделать предположение о незнании информантом сохранившихся в России названий лиц по степени родства и кумовства. Аналогичными причинами вызваны реакции *мать мужа* и *мать жены* на стимул *сваха*.

В ассоциативной паре *солянка – сосуд для соли* слово-стимул, являющееся названием блюда, входит в состав одного словообразовательного гнезда с компонентом словосочетания, представленного в реакции, – словом *соль*. Сама же реакция передает содержание другого слова – *солонка*, которое имеет тот же корень, что слова *солянка* и *соль*. Кроме того, слова *солянка* и *солонка* созвучны, что привело к отсутствию разграничения их значений в сознании информанта. Указанные причины объясняют наличие следующих реакций на данный стимул: *емкость для соли, колба с солью, из дерева, керамика, небольшая баночка*. Отмечаются также реакции, которые были обусловлены восприятием стимула как названия ряда консервированных овощных заготовок: *в банке, квашеные помидоры, огурцы из бочки, рассол, соленые помидоры*.

Некоторые реакции на стимулы данной группы стали проявлением частичной утраты информантами правил отбора и использования ряда языковых единиц. Так, в ассоциативной паре *береза – ностальгия по Родине* реакция является примером нарушения лексической нормы. Слово *ностальгия* имеет значение ‘тоска по родине’, его сочетание со словом *родина* вызывает частичное совпадение значений слов и приводит к речевой избыточности.

Нарушение морфологической нормы отмечается в реакции *большой бутыл* на стимул *самогон*, в которой респондент ошибочно определяет род существительного и, как следствие, с существительным *бутыл* женского рода употребляет прилагательное *большой* мужского рода.

Влияние гетерогенного языкового окружения привело к некоторым изменениям в восприятии представителями русской этнолингвокультуры и **единиц фразеологического и паремнологического фондов** русского языка. Результатом влияния украиноязычной среды стала реакция *байдыки* на стимул *бить баклуши*, которая объясняется структурно-семантическим сходством русского фразеологизма, предложенного информантам в качестве стимула, и украинской фразеологической единицы *бити байдики*.

В реакциях на некоторые фразеологизмы респонденты подчеркивают их принадлежность к русской этнолингвокультуре, что не характерно для носителей русской культурной традиции, постоянно проживающих на территории этнической родины: *при царе Горохе – история Руси, кузькина мать – русское выражение, бить баклуши – работать по-русски*.

Использование фразеологизмов в качестве стимулов обнаружило ощутимую утрату элементов значения некоторых из них и появление ранее не свойственных им семантических оттенков, что отмечается в следующих ассоциативных парах. На стимул *узнать всю подноготную*, имеющий значение ‘узнать тайну,

правду, скрываемую от всех’, была получена реакция *положить под сукно*, которая является фразеологизмом со значением ‘откладывать какое-либо дело на неопределенное время, оставлять его без рассмотрения, не давать ему хода’. Отсутствие семантической связи между рассматриваемыми стимулом и реакцией дает основание предположить, что информант не знаком с их значением, а их появление в одной ассоциативной паре объясняется только общей принадлежностью к фразеологическому фонду русского языка.

Причиной появления некоторых ассоциатов стало не целостное восприятие всей фразеологической единицы, а реагирование лишь на один из ее составляющих элементов. Например, в ассоциативной паре *точить лясы – точилка* информант реагирует только на компонент *точить*. Реакции, полученные на фразеологизм *как с гуся вода*, вызваны реагированием испытуемых как на элемент *гусь*: *гусь, птица*, так и на слово *вода*: *мокро, холодная вода, рыбалка, течет*.

В реакциях на некоторые стимулы данной группы проявилась утрата информантами правил отбора и употребления языковых единиц. Например, фразеологизм *во всю ивановскую* вызвал реакцию *голосистые пляски*, в которой лексема *пляски* в силу своей семантики не может сочетаться с определением *голосистые*.

Многие информанты на стимулы-фразеологизмы давали реакции, представляющие собой устойчивые сочетания: *с бухты-барахты – ни с того ни с сего, откуда ни возьмись, как гром среди ясного неба; лыка не вяжет – язык заплетается, пьяный в стельку, не может связать двух слов; во всю ивановскую – во все горло, во весь голос, на всю катушку*.

Однако в отдельных реакциях прослеживается ослабление закрепленности структуры данных единиц языка в сознании респондентов. Так, на стимул *не лыком шит* была дана реакция *не вяжет языка*, вызванная, очевидно, ассоциацией с фразеологизмом *лыка не вяжет*, реакция *трудно обвести вокруг носа* стала следствием замены одного из компонентов фразеологизма *обвести вокруг пальца*. Стимул *как с гуся вода* вызвал реакцию *не принимает к сердцу*, которая является неполной формой устойчивого выражения *принимать близко к сердцу*. Проанализированные примеры позволяют сделать вывод о том, что влияние на информантов иноязычной среды приводит к затруднениям в понимании и воспроизведении фразеологических единиц русского языка, несмотря на такие их характеристики, как устойчивость, лексическая неделимость и постоянный компонентный состав.

Пребывание информантов за пределами русского культурного пространства находит отражение и в реакциях, полученных на стимулы, относящиеся к группе **вербальных и вербализуемых прецедентных феноменов**. Многие информанты подчеркивали принадлежность некоторых стимулов данной группы к русской культуре, что нашло отражение в следующих реакциях: *что делать? – Россия, главный вопрос в России; кто виноват? – любимый вопрос русской интеллигенции, русский прикол, вечная русская проблема; МММ – советское время, СССР*.

В некоторых ассоциативных парах прослеживается сознательное сопоставление реалий разных стран.

Интересной с точки зрения восприятия и оценки различных культур является ассоциативная пара *кто виноват?* – *греческий вопрос*. Данная реакция дает основание предположить, что представители русской этнолингвокультуры, проживающие в Греции, проводят параллель между сложившейся там общественно-политической ситуацией и вечным русским вопросом, вынесенным в XIX в. И. Герценом в название его романа и не утратившим актуальности до настоящего времени. Аналогичное объяснение имеют и реакции на стимул *мертвые души – Верховная Рада, пенсионеры в Греции, списки инвалидов в Греции*, основу которых составляют махинации с персональными данными, положенные в основу сюжета произведения Н. В. Гоголя и проецируемые респондентами на определенные социально-политические проблемы в Украине и Греции.

В процессе анализа результатов эксперимента были выявлены реакции, которые могут свидетельствовать об утрате определенной части культурно значимого содержания некоторых стимулов данной группы. Так, стимул *кто виноват?*, представляющий собой название известного романа И. Герцена, вызвал реакции из произведения *Чернышевского, Чернышевский, Достоевский, Белинский*, указывающие на незнание информантами автора произведения и ассоциируемые со стимулом как писатели, относящиеся к тому же периоду развития русской литературы, в котором был написан роман. Более сложная связь между стимулом и реакцией отражена в ассоциативной паре *кто виноват? – Ленин*, которую можно трактовать двояко: либо упоминание данного политического деятеля вызвано его непосредственным влиянием на ход исторических событий в России XX в., либо данная реакция явилась следствием того, что *кто виноват?* и *что делать?* традиционно называют главными русскими вопросами, второй из которых Ленин использовал в качестве названия одной из своих статей. Аналогичная ситуация с путаницей авторов наблюдается и в случае со стимулом *что делать?*, вызвавшим следующие реакции: *Герцен, Островский, Достоевский*. На данный стимул были получены реакции *пье-са*, указывающая на неверную жанровую отнесенность произведения Н. Чернышевского, и реакция *декабристы*, свидетельствующая об ошибочном представлении о периоде написания данного романа. Кроме того, стимулы *кто виноват?* и *что делать?* часто воспринимались информантами как вопросы, лишенные культурного содержания, что отразилось в следующих реакциях: *кто виноват? – не я, я не в курсе, пьяный на улице; что делать? – работать, где заработать денег?, вопрос растерянного человека*.

Если говорить об исторических событиях в жизни России и связанных с ними личностях, то данный пласт знаний также претерпевает определенные изменения в сознании информантов. Например, стимул *Иван Сусанин* (крестьянин, герой освободительной борьбы русского народа против польских интервентов в начале XVII в.) составил ассоциативные пары с реакциями, свидетельствующими о приписывании данному человеку несвойственных ему званий и действий (*воевода, полководец, проходимец, разведка, запутал немцев*) и об отнесении его к совершенно

разным историческим периодам (*война 1812 г., Наполеон, фрицы, немцы*). Некоторые реакции на данный стимул, возможно, обусловлены тем, что образ Ивана Сусанина закреплен в ряде литературных произведений: *Пушкин, зайцы, дедушка*. Однако данные ассоциаты не имеют связи со стимулом и свидетельствуют об утрате информантами определенных культурно-исторических сведений.

Стимул, представленный в виде аббревиатуры *МММ* не был воспринят некоторыми информантами как название крупнейшей в истории России финансовой пирамиды, функционирующей в 90-х гг. XX в., следствием чего явились реакции, вызванные попыткой дать собственную трактовку данной аббревиатуре: *мужчина моей мечты; мычание коровы; большие буквы; мир, молодость, май*, а также реакция *μέσα μαζικής μεταφοράς*, что в переводе с греческого языка означает 'средства общественного транспорта'. Последняя реакция, совершенно не связанная с содержанием стимула, основывается на его форме и представляет собой полное название реалии, с которой у информанта ассоциируется указанная аббревиатура.

Отдельные прецедентные имена, ставшие впоследствии нарицательными, также были предложены информантам в качестве стимулов. В некоторых реакциях на стимул *Иуда* (один из апостолов Иисуса Христа, предавший его за 30 сребреников) находит отражение процесс утраты части его культурного содержания: *изменник Родины, святой, 33 сребреника, 40 сребреников, 3 целковые*.

При реагировании на стимул *Плюшкин* некоторые респонденты руководствовались его фонетическим сходством с названием вида хлебобулочных изделий, результатом чего стали реакции *плюшки, булка, чай, Плюшкин, баловаться плюшками* и, как следствие последней реакции, являющейся частью фразы из популярного советского мультфильма, ассоциаты *Карлсон, мультфильм*. Труднообъяснимыми являются реакции, приписывающие обозначенному словом-стимулом персонажу несвойственные ему характеристики: *кокетка, толстый, наркоман*. Наличие подобных реакций позволяет сделать вывод о постепенном сокращении объема культурно-исторической информации, касающейся вербальных прецедентных феноменов, в сознании носителей русской этнолингвокультуры, проживающих за пределами России.

Исследование восприятия представителями русской этнолингвокультуры ЯМНКС лингвокультурного типа позволило сделать следующие выводы.

Являясь культурно обусловленным феноменом, языковое сознание отражает специфику того национально-культурного пространства, в котором находятся его носители. Оказываясь в условиях гетерогенного лингвокультурного окружения, человек подвергается его непосредственному влиянию, что находит отражение в составе, содержании и ассоциативных связях единиц его внутреннего лексикона.

Анализ ассоциативного материала, полученного на стимулы-ЯМНКС лингвокультурного типа, выявил изменения их культурного содержания, которые нашли отражения в таких реакциях, как: обозначения реалий, не характерных для русского этнокультурного пространства; иноязычные реакции; сопоставления

реалий различных национально-культурных пространств; реакции, подчеркивающие принадлежность понятия или реалии, обозначенной стимулом, к русской этнолингвокультуре; реакции, свидетельствующие

об утрате определенной части культурно значимого содержания стимулов; реакции-нарушения языковой нормы.

Литература

1. Гумбольдт, фон В. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт; пер. с нем. яз.; сост., общ. ред. и вступ. статьи А. В. Гулыш, Г. В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с. – (Языковеды мира).
2. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учебное пособие / В. А. Маслова. – М.: Academia, 2001. – 204 с. – (Высшее образование).
3. Маслова, В. А. Современные направления в лингвистике / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2008. – 272 с.
4. Привалова, И. В. Интеркультура и вербальный знак: лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации: монография / И. В. Привалова. – М.: Гнозис, 2005. – 469 с.
5. Привалова, И. В. Языковое сознание этнокультурная маркированность (Теоретико-экспериментальное исследование): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / И. В. Привалова. – М., 2006. – 50 с.

Информация об авторе:

Ситникова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры русского языка Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Киев, Украина), +380506852769, AlyonaSitnikova@mail.ru.

Elena V. Sitnikova – Candidate of Philology, Associate Professor, doctoral student at the Russian Language Department, Institute of Linguistics, Taras Shevchenko National University of Kyiv (Kyiv, Ukraine).